

ОБРАЩЕНИЕ К С'ЕЗДУ

Лит. газета. — 1935.

30 мая

Луи Арагон.

Я был в свое время писателем, который кичился тем, что прошел войну 1914—1918 гг., не написав ни одного слова о ней. Мой бунт против окружающего меня мира нашел свое полное признание в дадаизме. Дебаты, которые я вел тогда, были дебатами нескольких поколений. Мы яростно противопоставляли писателя публике.

Публика для нас была врагом.

Пять лет я провел в колебаниях, противоречивых поступках. Затем началось прекрасное время. Это был расцвет сюрреализма. Вот тогда-то, после полосу сомнений и колебаний, у меня была встреча, которая должна была изменить мою жизнь.

Это было в одном из монпарнаских кафе, где я проводил один осенний вечер. Там сверкали огни и женщины. Вдруг кто-то окликнул меня: «Поэт Владимир Маяковский просит вас сесть за его столик...»

Он был там, он сделал жест рукой, он не говорил по-французски.

И это была та минута, которая должна была изменить мою жизнь. Поэт, который сумел очутиться на гребне революционной волны, этот поэт должен был оказаться связью между миром и мною. Это было первое звено цепи, которую я приемлю и показываю всем сегодня, цепи, соединившей меня снова с внешним миром. Некоторые философы научили меня отрицать ее. Поэт Владимир Маяковский научил меня, что надо обращаться к миллионам людей, к тем, которые хотят переделать этот мир.

В 1930 г. я был в СССР и после моего возвращения я не был больше тем, чем раньше, я не был больше автором «Парижского крестьянина», я стал автором «Красного фронта». Да, мне казалось, что единственная достойная человека и поэта задача заключается в том, чтобы кричать о славе нового мира; я понял, что для писателя мало только заявлять об этом в декларациях, манифестах, надо суметь поставить свое ремесло, даже самую интимную сущность своего ремесла на службу этому новому миру.

Я вернулся из СССР и стал другим человеком. Оставалось, однако, еще порвать тысячу связей, тончайших, как паутинка. Если я имел силу сделать это, то только благодаря практической работе, социальной работе, в которую втянул меня пролетариат моей страны. Это привело меня к разрыву со всеми моими друзьями, которые парили в облаках и не понимали моего желания ступать ногами по твердой земле. Итак, я порвал с теми писателями, с теми художниками, которые считали меня своим и которые назывались сюрреалистами. Я порвал с теми, у которых на устах всегда было слово революция, но у которых были вещи более им дорогие, чем революция.

Ваш конгресс — это третий рево-

люционный съезд, в котором я принимаю участие. В 1930 г. на международном съезде писателей в Харькове я был только гостем. В 1934 г. в Москве на съезде советских писателей я был уже представителем массы людей, для которой было важно, чтобы на трибуне Колонного зала перел Горьким, Шолоховым, Пастернаком я говорил о нашей стране, о нашем наследстве в области культуры, о великой задаче, которая стоит перед нами.

Я обращаюсь к вам, американские писатели. Вы видите среди нас Андре Жида, Жан-Ришар Блока, Жана Жюно, Андре Мальро, Виктора Маргерит, которые присоединились к Анри Барбюсу и Ромен Роллану. О каком будущем мечтает сегодня Бернар Шоу? К кому толкнул Гитлер Томаса Манна?

В Японии, в Китае рождается великая литература, порожденная кровью рабочих. Ренн в тюрьме. Кишгоним из страны в страну. Вчера Барбюса выгнали из Швейцарии. С кем цветные писатели? Отвечайте, Лэнгстон Хьюз, Клод Мак Кэй и ты, мой дорогой друг Сяо.

Мы — строители культуры завтрашнего дня. Для нас эта культура — не бесплодная идея, которая парит в облаках, она неотъемлема больше от живых людей, которые являются творцами этой новой культуры; ее судьба — это их судьба! Думаете ли вы в 1935 г., что существует хотя бы одна проблема культуры без перспектив шрапнелей и удушливых газов? Первая задача строителей культуры завтрашнего дня разве не заключается в борьбе за избавление человечества от возврата к варварству, которое имело место 20 лет назад?

Мы защищаем будущее культуры и мы неизбежно идем вместе с ее наследниками. Мы с тобой, великий рабочий класс, мы, писатели страны Бабефа и Верлена, мы, писатели страны Золя и Валлеса. Мы с вами, герои Вены и Астурии, с вами, металлисты Теронто и Булоня, с вами, бойцы парижского Февраля и советского Октября. Мы с вами, героические массы Германии, готовые снова слушать голос Либкнехта, мы с вами, трудящиеся Франции, в вашей борьбе в верфях и казармах против тех, которые передают своим германским соучастникам оружие, убившее Карла и Розу после того, как убили им Жореса.

И в этом, товарищи, величие задач, которые стоят перед вашим съездом. Задачи эти не заключаются больше в академических дискуссиях о трех единствах или об искусстве для искусства, но в том, чтобы внушать самым большим писателям, мастерам литературы, мысль о том, что из этого мастерства необходимо сделать красный стяг и водрузить его над бастионом надежды, которым командует мировой пролетариат!